

Дмитрий БИРМАН

РАССКАЗЫ ИЗ ДЕТСТВА

Дядя Леня

Лет с пяти, когда мы, взрослые пацаны из песочницы, стали определяться планами на будущее, у меня уже было совершенно четкое представление, кем я хочу быть.

Сергея мечтал о фуражке с кокардой, толстому Женьке снилось, как он продает мороженое, Колян говорил, что уже умеет ездить на машине, а я... я хотел быть дядей Леней!

Дядя Леня поселился в доме напротив за месяц до моего пятилетнего юбилея и сразу полностью завладел моим вниманием.

В нашем унылом микрорайоне, полном серых панельных домов и не улыбочивых людей в серых пальто, появился сказочный герой.

Ярко одетый, вызывающе красивый и какой-то... свободный.

Конечно, все это я осознал не сразу, но сразу же захотел быть таким же.

Лет в семь я понял, что он работает врачом, потому что папа однажды, когда мы, гуляя, встретили дядю Леню, спросил его о средней температуре по больнице.

Смысл вопроса мне стал понятен много позже...

Однажды мы с друзьями решили препарировать (в то время, правда, я такого слова не знал) дохлую лягушку. Колян положил ее на лавочку, а толстый Женька принес из дома кухонный нож. Стояли мы, смотрели на нее, а решиться не могли. Вдруг подошел дядя Леня, взял из потной, толстой Женькиной руки нож, в два-три взмаха сделал из лягушки демонстрационный материал и ушел. Мы были в шоке, Женьку рвало, а Серега добил нас неведомым словом: «Хирург!»

Так вот, я не хотел быть хирургом, как дядя Леня. Я хотел стать дядей Леней-хирургом!

Лет в двенадцать я окончательно убедился в правильности своего выбора, потому что увидел, как моя мама, здороваясь с ним, чуть сморщила нос. Она всегда делала так, когда ей не нравилось мое поведение, и, конечно, дядя Леня стал просто моим кумиром!

В четырнадцать я дико завидовал джинсам «Вранглер», которые были в нашем микрорайоне только у него. А с каким шиком он ходил в чуть сдвинутой на лоб фетровой шляпе!

Дмитрий Петрович Бирман родился в 1960 году в городе Горьком (ныне Нижний Новгород). Окончил Горьковский инженерно-строительный институт, работал на стройках города. Литературной деятельностью занимается с юношеских лет. Член Союза писателей России. Автор нескольких книг прозы и поэзии, изданных в России и за рубежом. Произведения автора печатаются в периодических изданиях, журналах, альманахах, сборниках издательств «АСТ» и «Эксмо». Лауреат различных литературных премий и конкурсов — им. Н. Рубцова, «Писатель года», им. Э. Хемингуэя, «Писатель XXI века» и др. Организатор Международного литературного фестиваля имени Максима Горького. Живет и работает в Нижнем Новгороде.

В шестнадцать я, прыщавый юнец, вдруг понял, что дядя Леня просто красавец!

Высокий, широкоплечий, с сильными руками и уверенной походкой, а рядом очередная красотка. Надо сказать, что этот мужчина с большими серыми глазами, смуглой кожей, тщательно постриженными усиками и гривой густых черных волос, конечно, привлекал внимание женщин. Правда, по какой-то неведомой мне тогда причине дольше трех-четырех месяцев они с ним не оставались. Было это, конечно же, постоянной темой для разговоров микрорайонных бабушек, раздражителем для наших мам и предметом зависти наших пап.

В общем, человек-загадка был моим идеалом. И моей тайной. Никогда и никому я не рассказывал о своей мечте.

После окончания школы папа настоял, чтобы я пошел в строительный институт, по его, так сказать, стопам. Я не возражал, потому что знал — не поступлю, буду дядей Леней-врачом.

Поступил. Но как-то так получилось, что дядя Леня стал для меня... запасным вариантом.

Ну, например, на первом курсе обиделась на меня Светка и перестала разговаривать, а я думаю себе: «Да и ладно, вон дядя Леня каждые три месяца женщин меняет».

Или на втором половина группы в джинсах, а у меня нет — так не беда, хожу себе в папиной фетровой шляпе, чуть сдвинув ее на лоб, как дядя Леня.

В общем, жил я себе с это палочкой-выручалочкой, институт окончил, в другой город по распределению уехал, потом женился, потом мир вокруг стал совершенно другим, бизнес-шмизнес и т. д. и т. п.

И вот мне уже за пятьдесят, и папы, увы, нет, ладно мама, слава богу, жива. Сидим мы как-то у нее, чай пьем и учебу мою в институте вспоминаем. То да се, и тут я про дядю Леню спросить решил.

— Слушай, мам, а помнишь, дядя Леня в доме напротив нашего жил, ты все морщилась, когда с ним здоровалась, а папа про среднюю температуру по больнице спрашивал?

— Конечно, помню, — отвечает мама, — красавец мужчина...

— Так чего же ты морщилась? — спрашиваю я.

— Понимаешь, сынок, все же надо иметь особенное свойство психики и характера, чтобы работать патологоанатомом...

Я ехал домой в автомобиле, медленно и без музыки, с полным ощущением того, что жизнь прожита зря...

А потом прибавил газу, включил «Русское радио» и улыбнулся, радуясь, что так и не стал дядей Леней!

Горелый

Он всегда возвращался домой в шесть часов вечера. Шел не торопясь, сутулый, ростом с пятнадцатилетнего пацана. Иногда он что-то напевал или бормотал. Черные без седины волосы зачесаны назад, черный костюм и белая рубашка без галстука. Соответственно сезону добавлялось черное демисезонное пальто с черным шарфом или черное зимнее пальто с черной кроличьей шапкой. Да, — еще перчатки! Вне зависимости от сезона он носил черные перчатки.

Мы, первоклашки, счастливые родители которых получили квартиры в новом микрорайоне, практически жили на улице, где нас интересовало все и вся.

Сначала мы называли его «Черный Человек».

Пару раз кто-то из особо смелых ребят пытался с ним заговорить, но он молча (по-прежнему не спеша) шел и что-то бормотал. Когда мы стали постарше, то стали пони-

мать, что Черный Человек всегда был... выпивши. Именно выпивши. Мы, десятилетние пацаны, стали презирать его и называть «Горелый».

Дело в том, что все его лицо было обожжено.

Узкие щелки глаз без ресниц, ввалившийся нос, бесформенные губы. Страшная маска вместо лица. Совершенно невозможно было понять, сколько же ему лет.

Горелый жил в доме напротив. Зимой мы кидали в его окно снежки и ждали, отодвинет ли он занавеску. Нам было интересно посмотреть, в чем он ходит дома, так как мнения разделились. Сенька Стукин говорил, что Горелый носит дома черный халат, а Миха Лягин утверждал, что Горелый дома ходит голым. Кто из них был прав, мы так и не узнали. Окно всегда было наглухо занавешенным. Даже летом.

Лето. Чудесная пора каникул. Те, чьи родители могли себе позволить поездку к морю, возвращались загоревшими и давали приложить к уху раковину, хотя бы послушать, как оно шумит.

Те, у кого были бабушки и дедушки в деревне, возвращались с толстыми щеками и угощали яблоками.

Я же относился к той категории, которая проводит месяц в школьном пионерском лагере, а два оставшихся просто шатается по городу.

Середина июля. Мне двенадцать лет, и я с такими же оболтусами, которым некуда было податься, тайно (родители не разрешали категорически!) съездил искупаться на Волгу и первым (мама приходила с работы в шесть вечера) вернулся домой. В ожидании ужина я сидел на лавочке и просто смотрел по сторонам. Вдруг я увидел Горелого. Он шел качаясь и, как обычно, что-то бормотал.

Он был сильно пьян. Его рука в черной перчатке сжимала горлышко открытой бутылки водки. Он остановился, запрокинул голову, сделал глоток, помотал головой и увидел меня.

Время — удивительная вещь. Иногда оно летит так быстро, что мы не успеваем за ним, а иногда минуты ожидания превращаются в часы.

Прошло много лет, а я, как сейчас, вижу тот июльский вечер, лавочку, съевшегося от страха мальчишку и Горелого, который сидит рядом и говорит, говорит...

У него были приятный баритон и больная, обожженная душа. Он пил и говорил, вернее, рассказывал. Я не все понимал, но — война, танк, Прохоровка, запомнил навсегда. Что-то было о любви, друзьях, жизни.

Были мат и слезы, которые он вытирал, сорвав перчатки, и я видел обожженные кисти рук, пальцы без ногтей.

«Тридцать лет, — кричал он, — тридцать лет я живу во сне!»

Мне было очень страшно. Потом стало очень жалко его. Я попытался забрать уже почти пустую бутылку, которую он отдал не сопротивляясь.

Пришла мама, взяла нас за руки, привела домой и усадила за стол. Накормила, наполнила чаем и велела мне проводить дядю Толю (тут только я узнал, как его зовут) домой.

Вечером папа рассказывал мне о Курской битве, о сражении под Прохоровкой и про командира танка дядю Толю.

На следующий день я все рассказал ребятам во дворе. Мы договорились теперь называть дядю Толю уважительно «Танкист».

А через месяц дядя Толя умер. Узнали об этом только через неделю — соседи почувствовали запах.

Его провожали в последний путь в закрытом гробу. Перед гробом несли три подушечки, на которых лежали его боевые награды. В том числе звезда Героя Советского Союза.

Когда меня спрашивают: «Кто ваш кумир? Кто, по-вашему, человек года? Кто, как вы думаете, лучший по (неважно по чему)?» Я отвечаю, называя какие-то имена и фамилии.

Да, это имена достойных людей. Но!
Каждый раз я вспоминаю моего кумира, человека года и моей жизни.
Человека в черном, Горелого, Танкиста. Дядю Толю.

Запах свободы

Я влюбился сразу и навсегда. Она была на год старше, училась в десятом классе, и за то, чтобы носить ее портфель, сражались главные мачо (правда, это слово тогда никто не знал) нашей школы.

Каждое утро я прибежал в школу за час до начала уроков, вставал в угол недалеко от входной двери и ждал.

Суетилась малышня, носились пятиклассники, входили серьезные и деловые старшекласники, но я не видел ни их, ни моих одноклассников, которые, посмеиваясь, хлопали меня по плечу.

Я ждал. Она появлялась в белом сверкающем облаке, оно светилось и... пахло. Это был запах чуда... Чудо звали Инна.

После того как она проплывала мимо меня, я погружался в глубокие раздумья.

Как? Как и, главное, чем я мог заинтересовать ее?

Я, среднестатистический ученик, не отличник, не спортсмен?

В общем, через месяц мучений меня осенило! Я должен сразить ее наповал тем, как я буду одет и, главное, как я буду пахнуть!

С одеждой решилось само собой. Старинный папин друг, дядя Веня, привез из командировки на Кубу (о, как же тогда это было круто!) удивительно модные вельветовые брюки.

Они были последним западным шиком. Широкие темно-синие и желтые полосы чередовались, создавая атмосферу солнца и океана. Я тут же примерил их и упросил маму немедленно подогнуть их по моему росту.

Теперь осталось придумать, чем я буду пахнуть. Выбор был не очень большим. Одеколоны «Тройной» и «Шипр» я отmel сразу, а «Саша» мне был не по карману. Собственно, выбирать больше было не из чего. Еще немного помучившись, я уговорил папу позвонить дяде Вене и спросить, нет ли у него какого-нибудь волшебного запаха. В результате я стал обладателем крошечной пробирочки, которую мне с улыбкой вручил дядя Веня и сказал, что это самый модный кубинский запах.

Я летел домой на крыльях любви (которая теперь-то уж наверняка станет взаимной), зажав в кулаке волшебный эликсир счастья.

Мой триумф был назначен на двадцатое мая.

Ранним солнечным утром я принял душ, впервые побрился папиным станком с бритвой «Нева», надел бесконечно модные вельветовые брюки в сине-желтую полоску, белую рубашку на выпуск, папины белые парусиновые туфли (на два размера больше моего), полил из пробирочки расчесанные на идеальный пробор волосы дурманящим запахом острова Свободы и двинулся в школу уверенным шагом победителя, с гордо поднятой головой.

Надо сказать, что в нашем микрорайоне на окраине города люди не очень привыкли видеть с утра экзотических персонажей, которые вышагивают в самой модной одежде и пахнут самым модным запахом.

Сначала я относил их удивленные взгляды к тому, что они были поражены тем, как же я все-таки красив. Потом, когда шедшая мимо бабушка сплунула и перекрестилась, насторожился.

О, как я запомнил двадцатое мая, конец учебного года в девятом классе!

В тот день дежурной по школе была завуч по воспитательной работе Агнесса Павловна Бельдюкова. Она первой увидела меня, когда я взлетел на школьное крыльцо и уверенно распахнул входную дверь.

Она схватила меня за руку, быстро зажала в углу входного холла (том самом, из которого я любовался Инной) и прошипела: «Ты что в пижаме в храм знаний приперся?! Совсем с ума сошел?!»

Здесь надо сказать, я, конечно, представлял, что такое пижама, но у меня ее никогда не было, а спал я, как все нормальные люди в нашем микрорайоне, в трусах и майке.

«Агнесса Павловна... я... дядя Веня... Куба...» — выдавливал я из себя в полном ступоре.

«Да ты еще и накурился с утра! Дышать нечем! — вдруг взвилась Агнесса Павловна. — Вон из школы! Чтобы вечером с родителями пришел!»

Откуда же... ну, откуда я мог знать, что запах острова Свободы — это запах моря, солнца и... сигар.

Прошло два раза по столько лет, сколько мне было тогда.

Я был во многих странах, покупал одежду в бутиках, а на полочке в ванной комнате у меня неплохая коллекция мужских ароматов.

Инна, моя любовь, к счастью не видевшая моего позора, уехала в Москву, поступила в институт и навсегда исчезла из нашего микрорайона.

Река времени все унесла, выровняла и стерла.

Вот только я никогда в жизни не надевал пижаму и терпеть не могу запаха сигар!

Джинсы

На свете много удивительных и замечательных вещей. Нужных и ненужных. Понятных и странных. Красивых и своеобразных.

В одна тысяча девятьсот семьдесят восьмом году самой желанной, важной и недосягаемой вещью для меня были джинсы.

Да, джинсы, в которых ходили кривоногие ковбои в далекой Америке и которые в СССР тогда только начали появляться.

Мы знали их в лицо. Поименно. По отстрочке определяя фирму.

От их названий веяло радостью и свободой: «Супер Райфл», «Вранглер», «Левайс».

Мы смаковали эти чуждые советской идеологии слова, а Галина Сергеевна, наш классный руководитель, пренебрежительно скривившись, втолковывала нам, что предмет нашего поклонения — это просто рабочая одежда.

Нам было, если честно, глубоко наплевать на ее слова. Мы до судорог хотели эту рабочую одежду, даже если ее до нас уже долго носили заграничные пролетарии.

Тем более что ношенные, «тертые» джинсы стоили значительно дешевле «новья», за которое нужно было отдать целое состояние.

Я не мог и мечтать о новых джинсах, а вот на «тертые» упорно копил.

Лето после окончания девятого класса я провел во вспомогательном цеху макаронной фабрики, постигая высокое искусство подготовки листов картона к изготовлению из него упаковочных ящиков для пачек с макаронами.

Через два месяца ударного труда меня выгнали за пререкания с вечно пьяным мастером цеха. Получив честно заработанные тридцать рублей, я загрустил. Моя мечта находилась от меня на расстоянии в двадцать рублей. Кстати, огромные, по тем временам, деньги для школьника!

До весны последнего, десятого учебного года я брался за все что угодно, лишь бы приблизить желанный миг обладания чудом.

Я помогал дворнику убирать снег и заливать водой каток, в зимние каникулы разгружал хлеб в булочной и даже продал Юрке Дяхову любимую серию марок эмирата Оман с картинками великих мастеров, на которых, по странному совпадению, были изображены раздетые женщины.

Таким образом, я заработал еще пятнадцать рублей, но этого было опять недостаточно.

Я пребывал в отчаянии...

Если честно, дело все было в том, что я влюбился в конце девятого класса. Перед самыми каникулами, когда стало уже тепло и девчонки надели юбки одна короче другой, оказалось, что Ольга Макова стала ослепительно хороша. Тогда у меня и созрел план, как завоевать ее внимание.

Теперь мой план был близок к провалу, Ольга после десятого класса хотела ехать в Москву, поступать в МГИМО, а там уже разве ее чем-нибудь удивить....

Из предсуицидального состояния меня вывел Андрюха Ветров, единственный мой друг, который не только знал про мой план, но и сам ждал джинсы, которые обещал ему привезти папа из загранкомандировки к окончанию школы и вступлению, так сказать, во взрослую жизнь.

В середине апреля, накануне моего дня рождения, он ворвался в нашу малогабаритную «хрущевку», сразу заполнив ее до краев.

— Во, Диман, — кричал Ветров, потрясая чем-то упакованным в плотную бумагу, перевязанную бечевкой, — забирай, отдадут за сорок пять, только там молния сломана!

— Тетя Маша, — тут же взял мою маму в оборот Андрюха, — вы же сможете молнию заменить, правда? Вон машинка-то у вас стоит, я давно заметил!

— Дядя Петя, — это уже папе, — а что, Диман давно так на диване валяется?!

При этом ответы Ветрову были не нужны. Пока я нехотя вставал с дивана, еще не осмыслив сказанное другом, он развязал бечевку, эффектно разорвал бумагу и, как фокусник, разложил передо мной... джинсы.

Это были «US TOP» — «Вершина Америки», пошитые, как потом выяснилось, в Бразилии.

— А-а! — заорал я, метнулся на кухню, достал из жестяной банки в красный горошек, на которой было написано «сода», заветные сорок пять рублей и сунул их Ветрову, вырвав у него из рук долгожданное чудо!

Андрюха очумело молчал, мама растерянно смотрела то на меня, то на Ветрова, а папа довольно усмехнулся и пошел курить на кухню.

С того самого момента мне, как принято сейчас говорить, «поперло»!

Я надел джинсы с любовно замененной мамой молнией на «последний звонок», который закончился для меня первым поцелуем с Ольгой Маковой.

Я был в них на вступительных экзаменах и поступил в институт!

Я хорошо учился и был любим, я легко шел по жизни уверенной походкой победителя в «тертых» джинсах, плотно и надежно обтягивающих мой костлявый зад.

На третьем курсе я их продал и купил «Вранглер», новые, с так любимыми мной «хулиганскими» карманами.

И вот что интересно. Вадик Галкин, друг моих друзей (ему «US TOP» был продан уже за шестьдесят рублей), через двадцать пять лет стал вице-президентом «Лукойла».

Иногда, когда становится тяжело, когда кажется, что жизнь зашла в тупик, я задаюсь одним и тем же вопросом: «Если бы я тогда не продал джинсы, стал бы я вице-президентом „Лукойла“?!»

Каникулы

Зимние каникулы совпали с морозами. Ждали мы их, ждали, вот и дождались — ни в хоккее погонять, ни на коньках покататься, ни в снегу друг друга повалять!

Солнце светило вовсю, небо было синее-синее, а столбик термометра не поднимался выше минус двадцати семи днем, а ночью опускался до минус тридцати четырех.

В пятницу мы радостно (кто в большей, кто в меньшей степени) завершили четверть и разбежались из школы с великими планами на ближайшие две недели.

А в субботу мама и папа клеили вторым слоем плотную бумагу на щели в оконных рамах. Клеили ее на мыльный раствор, чтобы весной легче было отмывать, да и следов после нее не оставалось. В общем, в субботу я занимался ответственным делом, тщательно намазывая скользкую гадость на бумажную лапшу и подавая это, то папе, то маме.

Последний понедельник декабря и первый день каникул начался с радости, что можно понежиться в постели, никуда не надо спешить, а главное, что некому меня торопить — родители ушли на работу.

Радость была недолгой — на кухонном столе лежала записка от мамы с кучей заданий. Ну, допустим, сбегать в магазин за хлебом и молоком я еще мог себя заставить, а вот выбрасывать мусор было для меня настоящей пыткой.

Накинув пальто на домашнюю рубашку, сунув босые ноги в валенки и не надевая шапку, я выскакивал с мусорным ведром на улицу, бежал к железному контейнеру, в который вытряхивал содержимое ведра, стуча им со всей дури по неровному краю мусороприемника.

Надо было, чтобы ни одной прилипшей бумажки не осталось! Когда стучать надоедало, происходило самое страшное — я руками доставал то, что не отлипало, бросал в контейнер, а потом яростно тер руки снегом, пока они не становились красными и не начинали гореть.

Дело в том, что такой простой вещи, как полиэтиленовый пакет для мусора, вкладывающийся внутрь ведра и который потом, затянув вшитые сверху по контуру тесемки, можно интеллигентно выбросить без шума и запаха, тогда не было.

Вот я и решил, что мамина записка подождет, а я сделаю бутерброды из хлеба с маслом, положу шесть ложек сахарного песка в стакан чая и устрою себе завтрак у телевизора.

Телевизионных каналов тогда было целых два, правда, второй — городской — начинал работать часов с четырех дня, и я включил Центральное телевидение.

Пацан примерно моего возраста, в белой рубашке и с аккуратно расчесанными волосами декламировал:

Ах, какой сегодня день!
Брызги сыплет солнце,
Снова звездная сирень
Вымерзла в оконце,
Снова птичий перезвон
Мне надежду дарит,
И с морозом в унисон
Музыка играет...

Я бросился к окну, чтобы услышать «птичий перезвон», в надежде, что запели снегири. Улица была тиха и пустынна, легкая поэмка огибала картонную коробку из-под торта.

За моей спиной полный оптимизма голос продолжал:

Снова снег в шагах скрипит,
Пахнувший арбузом,
Снова сердце говорит,
Будто верит в чудо!

Последняя строчка примирила меня с «птичьим перезвоном», и я подумал, что неплохо бы посмотреть, как дальше будут развиваться события с коробкой.

Дело в том, что мой друг и одноклассник Владька Стуков любил пошутить. Одна из его шуток заключалась в том, что мало кто мог пройти мимо аккуратно-толстенькой коробки (из белого гладкого картона, с красивой надписью «Торт»), не пнув ее со всей дури.

Вернее, шутка, конечно, была не в этом.

Шутка была в том, что в коробке лежал кирпич.

На улице не было ни души, и, предоставив коробке терпеливо дожидаться очередного «футболиста», я устроился на диване с чаем и бутербродами. Собачий холод убивал надежду на сладкое безделье, когда можно убежать на улицу от всех домашних дел, а на мамино недовольство, что ничего не сделано, ответить:

— Так каникулы, мам! Я гулять ходил! Мне отдыхать положено!

В дверь позвонили. Я внимательно (как учил папа) посмотрел в глазок и открыл дверь с радостным возгласом:

— Владька, привет!

— Привет, Диман, — мой друг был розовощек с мороза и возбужден, — собирайся, айда ко мне, у меня мать сегодня дежурит сутки.

Владькина мать, тетя Тамара, работала операционной медсестрой, сутки через двое.

— Ко мне должен к десяти Олега прийти, он у матери из шкафа бутылку вина спер! — глаза Стукина блестели.

— А «Четыре танкиста и собака» посмотреть? — спросил я нерешительно, потому что тогда еще побаивался этого сладкоманящего слова «вино».

— Да ладно, Диман, — наступал Владька, — у меня телевизор посмотрим! Тем более я банку смородины припрятал!

Я мгновенно начал собираться. Владькина мама так готовила черную смородину, протертую с сахаром, что невозможно было упустить представившийся случай.

Олег, приплясывая от холода, ждал нас у Владькиного подъезда.

— Ну, вы чего, — выдохнул он посиневшими губами, — я околел уже!

Бутылка была большой и красивой. Яркая этикетка гордо несла на себе неведомое, но манящее нас название. «Ром» было написано по-английски. Буква «о» одновременно еще была и глазом темнокожей красавицы, которым она зазывно подмигивала.

— Это в честь города итальянского, — начал объяснять нам Олег, — в Италии лучшее красное вино делают!

— Да, наверно, обычная бормотуха! — скривился Владька.

— Олега, а город-то вроде Рим называется, — осторожно заметил я.

Мама Олега работала директором винного магазина, и это, конечно, внушало уважение к познаниям нашего друга. Правда, учитывая то, что мы (в свои уже десять лет!) алкогольных напитков не пробовали (хотя рассказывали друг другу о том, как это здорово), кое-какие сомнения все же возникали.

— Да о чем разговор, — солидно отмел все сомнения Олега, — разлить уже надо, выпить охота!

— Точно! — выпалил Владька и достал трехлитровую банку с черной смородиной.

Под возгласы «осторожно!», «ну, ты разобьешь», «держи крепче!» я начал открывать бутылку. С задачей я успешно справился, правда, порезав при этом палец.

Пока я держал палец под струей холодной воды, Олег разлил в стаканы бурюю жидкость.

— Точно бормотуха, — уверенно сказал Владька, — только пахнет приятно.

— Диман, — позвал Олега, — давай скорее, выпить охота, аж сил нет!

Что сказать... Давясь и кашляя, закусывая каждый глоток черной смородиной, протертой с сахаром, которую черпали из банки столовыми ложками, мы выпили всю бутылку. До капли.

Пока вернувшиеся с работы родители безрезультатно искали меня у друзей, пока мама Олега плакала в кабинете начальника милиции, пока Владькина бабушка напрасно стучала в дверь квартиры, недоумевая, где может быть в такую погоду ее внук, мы крепко спали, без сновидений и угрызений совести.

Собственно эту трогательную картину и увидела Владькина бабушка, когда слесарь из ЖЭКа, немного повозившись, сумел открыть дверь.

Она хорошо знала нас и тут же сообщила нашим родителям о том, что мы уверенно встали на путь алкоголизма.

Описывать свое первое похмелье я не буду. Разговор с папой вспоминать не хочу. Скажу только, что каникулы были посвящены важным делам, типа мытья посуды, хождения в магазин и постоянной очистке ведра для мусора.

Когда, радостные, мы встретились после каникул, Олега позвал нас с Владькой на перемене в туалет, где свистящим шепотом, округляя глаза, сообщил нам, что все понял.

— Пацаны, — шипел он, — все дело в том, что ром нельзя заедать черной смородиной! Тем более если она протерта с сахаром!

Мороженое

Мороженое «Пломбир» было самым вкусным на свете. За девятнадцать копеек вы получали радость, счастье и удовольствие в вафельном стаканчике.

— Мам, ну купи, ну купи! — канючил семилетний я.

— Завтра, сынок! Завтра, после работы, куплю.

— Хочу сейч-а-а-а-с! — я начинал подвывать, демонстрируя полную готовность к переходу в рев.

— Завтра, сынок! На улице жарко, мороженое холодное, можешь горлышко простудить. Завтра принесу домой после работы, дома поешь.

— Н-е-е-е-т, — продолжал я начало плача Ярославны, — вон все едят! Я сеч-а-а-а-с хоч-у-у-у!

Мы стояли на автобусной остановке. Совсем рядом был киоск с волшебной надписью «Мороженое», к которому выстроилась небольшая очередь.

— Купи, купи, купи-и-и-и! — это уже было по нарастающей, и люди, которые вместе с нами терпеливо ждали автобус, стали посматривать то на меня, то на маму.

— Неужели нельзя подождать до завтра? — раздраженно прошипела мама.

Стоявший рядом солидный мужчина с портфелем, в красивом бежевом костюме и бежевых сандалиях громко, на всю остановку обратился к маме:

— Женщина, ну купите ему мороженое!

Дама в белой панаме и темных очках подхватила:

— Мамаша, что вы ребеночка нервничать заставляете? Или вам денег жалко на мороженое?

Мама вспыхнула, крепко взяла меня за руку и повела к заветному ларьку.

— Но есть его ты все равно будешь дома, — сказала она, покупая выстраданный мной «Пломбир», — по дороге мороженое немного подтаает, я дам тебе ложечку и будешь брать по чуть-чуть!

Я был на все согласен и радостно уселся к окошку в только что подошедшем автобусе.

— Граждане, оплачиваем за проезд! — громкая и необъятная кондукторша двинулась вдоль сидений.

Когда она добралась до нас, мама, вежливо улыбнувшись, показала проездной билет и положила руку мне на плечо.

— А мальчику вашему сколько будет? — пытливо спросила бдительная кондукторша, видимо озадаченная маминой улыбкой.

— Ему можно без билета, — вежливо ответила мама, зачем-то доставая из сумки мороженое.

— Мне уже семь лет! — гордо заявил я.

«Семь лет» утонули в «Пломбире», который мама ловко поднесла к моим губам.

Надо сказать, что для меня это явилось, с одной стороны, насилием над личностью, и я обиделся. С другой стороны, в моих руках неожиданно-негаданно оказался приз, который мгновенно отрешил меня от реальности.

— Сколько? — бдительная тетя нависла над нами грозовой тучей.

— Да мы выходим скоро, — тихой скороговоркой ответила побледневшая мама, — маленький он еще, давайте я его на руки возьму.

Шум на задней площадке отвлек королеву рейса номер двадцать шесть. Пока она выступала третейским судьей в споре дяди в бежевом костюме и тети в белой панаме (на предмет, кто первый толкнул, а кто испачкал новые брюки), нам удалось благополучно проехать еще три остановки. Необходимость сбора оплаты проезда с наполнивших автобус пассажиров подарила еще одну остановку.

Все это время мама сосредоточенно и не моргая смотрела в одну точку, а я самозабвенно откусывал (а не ложечкой, по чуть-чуть!) кусочки вафельного стаканчика, разумеется, вместе с его содержимым.

— Дамочка впереди, — пророкотала туша на весь автобус, — собираемся за проезд оплачивать?!

Пунцовая мама встала и, подталкивая меня перед собой, пошла к выходу. Дверь захлопнулась. До нашего дома было еще три остановки.

Я, гордо-обиженный, шел, слизывая с пальцев остатки мороженого, и еле успевал за мамой.

— Все! Устал! — выкрикнул я ей в спину.

Мама обернулась, по ее щекам текли слезы.

— Мама, мамочка, не надо! — крикнул я, тоже заплакал и бросился к ней.

Она села на пыльную траву, усеянную шелухой от семечек и окурками, крепко обняла меня, прошептав на ухо: «Все хорошо, сынок! Я люблю тебя!»

Неведомо было тогда мне, семилетнему, что у мамы в кошельке оставались последние двадцать копеек (на которые пришлось купить мороженое), а как раз на следующий день она должна была получить зарплату.

Последние тридцать лет каждый год пятого июля я приезжаю к маме и привожу два «Пломбира».

Мы едим с ней это (пусть уже не самое лучшее на свете) мороженое, смеемся, вспоминая автобус, и я снова чувствую себя маленьким мальчиком, который перестал плакать, обнимая маму.

Чулки и колготки

Итальянский портной очень старался. Пока он несколько раз обмерял меня вдоль и поперек, я думал о бренности жизни, о том, что когда-нибудь (надеюсь, не скоро) с меня снимут мерку, чтобы нарядить в последний, деревянный «костюм».

Итальянец улыбался, приговаривая «моментико», работал, как и многие поколения его семьи. Каждый год, портные из компании Emenegildo Zegna приезжали в бутик «Евромода», предлагая выбрать ткань и заказать костюм, который их стараниями сделает вас абсолютно неотразимым.

Менеджер, радостно улыбаясь (видимо, потому что индивидуальный заказ стоил раза в два дороже костюма из новой коллекции), предложила мне кофе.

Она была молода и хороша собой. Когда девушка наклонилась, чтобы достать из нижнего ящика тумбы (которая служила итальянцу рабочим столом) чашку, ее юбка поднялась, обтянув упругие бедра и продемонстрировав кружева чулок.

Я засмотрелся...

Своевольное подсознание включило ретровидео, на котором, пыхтя и злясь, я пытался справиться с застежкой на левом чулке.

Да, да! Представьте себе, что году так в 1965-м мальчики носили пояс и чулки.

Мама будила меня, наливая стакан любимого вишневого компота со словами:

— Сынок, одевайся в садик!

— Мам, ну ты хоть сегодня мне помоги! — канючил я каждое утро.

— Сынок, ты же у меня большой, а большие мальчики должны уметь одеваться сами!

— Хорошо, — обреченно соглашался я, — но только не чулки!

— Ну, какой же из тебя вырастет мужчина, если ты не умеешь надевать чулки! — легкомысленно отвечала мама.

Я думаю, кстати, что это тот самый случай, когда такой диалог пришелся бы по душе и натуралам, и представителям ЛГБТ.

Процедура надевания пояса для чулок, потом самих чулок, а затем борьба с застежками, пожалуй, самые тяжелые воспоминания из детства (это, безусловно, говорит о том, что оно было счастливым).

Вскоре на смену чулкам пришли колготки, от которых я отказался наотрез.

Я не могу вспомнить, почему с чулками я как-то еще мог смириться, а с колготками уже нет. Может быть, потому что стал старше.

Зато я очень хорошо помню, как кричал маме, радостно протягивающей мне купленные «по благу» колготки:

— Я не одену, они «девчоночьи»! Я не буду позориться!

В общем, колготки я так и не дал на себя надеть, чем до сих пор очень горжусь.

Потом была история со школьной формой. Мы, восьмиклассники, упорно не хотели ходить, как «инкубаторские»!

А мода на длинные волосы! Мы только входили в школу, как бдительная Ирина Александровна уже говорила высоким тонким голосом:

— Вы, трое, в парикмахерскую! Я вас до уроков не допускаю!
Мы шли и стриглись наголо, становясь героями, школьной достопримечательностью.
Потом была мода на джинсы и жвачку, пакеты и тулупы, норковые шапки и мохеровые шарфы.

Когда я учился на первом курсе, то нашел у деда в кладовке его кожаное пальто — длинный реглан, с поясом и облупившейся краской. Думаю, что к тому моменту пальто было лет сорок.

На следующий день я гордо нес его на себе в институт, накрыв (для завершения образа) голову папиной фетровой шляпой.

Мы носили и белые носки, и прекрасные китайские свитера с пуховиками (их поставляли в наш город прямо из Поднебесной, в обмен на автомобили), и малиновые пиджаки.

Вместе со всеми я шел в фарватере меняющейся моды, и вот...

— Ваш кофе! — менеджер «Евромоды» была определенно хороша.

— Спасибо! — сказал я и, принимая чашку из ее рук, слегка погладил нежную кожу. Она многообещающе мне улыбнулась и пошла навстречу новому клиенту, который только что зашел в бутик.

Я смотрел на ее ровную спину, чуть покачивающиеся бедра и думал о том, как много возможностей дала нам новая жизнь.

Но, увы, она навсегда забрала у нас удовольствие от газировки за три копейки, праздники и скандалы коммунальных квартир, бесконечную радость от того, что ты справился с застежкой на левом чулке и теперь можно идти в детский сад.

Модная рубашка

Посылки из Америки ждала вся семья.

Бабушка предпочитала их сертификатам, на которые покупала в магазине «Березка» мохер, а потом продавала на рынке.

Сначала тетя Дора (так вся наша семья называла бабушкину родную сестру) посылала в далекий и страшный СССР доллары, которые наше государство с удовольствием принимало, вручая счастливому получателю сертификаты.

Это были нарядные бумажки, и номинал на них значился уже в рублях.

Такими же бумажками выдавали часть жалованья морякам дальнего плавания и вообще всем гражданам СССР, которые работали за границей. Для этих счастливых (ну и, конечно, для спекулянтов) в магазине «Березка» лежали на полках заветные заморские товары, от рубашек до холодильников.

В бабушкиной семье тетя Дора оказалась самой смысленной. Из четырнадцати братьев и сестер, которые неплохо жили в Брест-Литовске, после катаклизмов Первой мировой и революционных событий выжили четверо.

Моя бабушка, успевшая выйти замуж и уехать в Нижний Новгород, Маня, подавшаяся в «революционеры» (так произносила это слово бабушка), Бенчик, проявлявший с детства недюжинные коммерческие способности, которые привели его в Санкт-Петербург в «смутные времена», и Дора.

Тетя Дора, которой было в то время только (или уже?) пятнадцать лет, укатила... в Америку. Выправила документы, что ей восемнадцать, выпросила у моей бабушки деньги взаймы, добралась до Санкт-Петербурга и нашла там Бенчика, который умудрился пристроить ее на корабль, уходивший в Соединенные Штаты.

Больше от семьи не осталось никого.

Примерно в одна тысяча девятьсот семидесятом году бабушку пригласили в КГБ, где ласковый дядя вручил ей письмо с красивой маркой на красивом конверте, вежливо поинтересовавшись, что там написано.

Дело в том, что тетя Дора писала на идиш. Бабушка, обливаясь слезами (они уже мысленно похоронили Дорочку), прочитала вслух, что Дора Крамер, в девичестве Яхсин, проживающая в Бруклине, разыскивает своих родственников.

Судя по тому, как благосклонно дядя кивал головой, бабушка поняла, что в КГБ тоже знают идиш.

Вербовать в разведчики ее не стали, учитывая возраст и три класса образования. Дядя посоветовал ответить, рассказать о преимуществах социалистического образа жизни, не углубляясь в подробности.

Подробностями были двухкомнатная квартира на втором этаже двухквартирного деревянного (но еще очень крепкого!) дома, отсутствие горячей воды и туалет на улице. Впрочем, учитывая то, что баня находилась в соседнем доме, условия были очень даже неплохие.

Бабушка ответила вновь обретенной сестре, что все хорошо, но иногда немного не хватает денег.

Тетя Дора стала отправлять ей доллары.

Вскоре бабушка решила укоротить цепочку доллары — сертификаты — мохер — рынок — рубли. Она написала тете Доре, что с деньгами ситуация выправилась и лучше присылать модные вещи, чтобы ее дети и внуки, несмотря на изобилие в магазинах, выгодно отличались от окружающих.

Тетя Дора стала отправлять посылки.

Схема стала идеальной даже по сравнению с классической. Товар — деньги! Просто и удобно.

Посылки из Америки ждала вся семья. В них приходили отрезки шикарной ткани с люрексом и рубашки. Бабушка считала, что это продается лучше всего.

Она (на мой взгляд, справедливо) баловала внучек (папина сестра умерла, когда они были совсем маленькими), которые щеголяли в блестящих платьях, а их мужья не покупали в магазинах рубашки.

Моя мама обижалась на бабушку. Она говорила, что та, как в известном анекдоте, продала (правда, за полцены) одну рубашку папе, а я вообще ничего никогда не получал от щедрот американской родни.

Мама обижалась, но терпела.

Правда, однажды, когда после Первомайской демонстрации мы пришли к бабушке в гости, мама сорвалась.

Первомайское шествие завершалось на площади Ленина, хотя, как мне кажется, оно должно было бы там начинаться. Бабушка жила совсем рядом, в десяти минутах ходьбы, и вся семья собиралась у нее.

Почему-то именно на Первомай бабушка пекла треугольники из теста с маково-ореховой начинкой. Как я узнал позже, эти треугольники, которые называют оменташ, или «ушки Омана», пекут на еврейский праздник Пурим.

Понятия не имею, по какой причине бабушка таким образом встречала главный пролетарский праздник, но именно из-за этой вкуснятины я терпел перформанс флагов, радостно-пьяных «Ура!» и терпеливо шел с папой и мамой до площади Ленина.

В бабушкиной квартире было тесно от родни. Мои двоюродные сестры громко давали мужьям указания, как поставить стол и расставить стулья, их сопливые дети

играли костылями дедушки (он вернулся с фронта без ноги), папа отрешенно курил в сенях, а мама, поджав губы, помогала накрывать на стол.

Я обычно устраивался рядом со спокойно-ироничным дедушкой, который молча с мудрой улыбкой наблюдал за этой вакханалией.

Сестры были в платьях из «посылки», а их мужья в рубашках оттуда же.

И все бы ничего, только «болван Саша» (так его называла моя мама), муж Сони, возьми и спроси:

— Дядь Петь, а вы чего не в американской рубашке?

Папа дернул щекой и промолчал, а мама сорвалась.

Через месяц я стал обладателем шикарной белой рубашки из последней посылки. Бесплатно!

Такие рубашки пришли впервые и были особым шиком. Мода, которая прорывалась к нам с Запада через «железный занавес», принесла в тот год новое звучное название — «нейлон».

Кипенно-белые рубашки из этого материала не мялись, легко стирались и гладились. Я, правда, сначала думал, что они светятся в темноте, потому что упорно слышал «неон» вместо «нейлон».

И вот в начале июля, в яркий солнечный день, я надел прекрасную нейлоновую рубашку, черные брюки, черные (так называемые «выходные») ботинки и поехал к бабушке. Мама испекла пирог с мясом и отправила меня к ней с миссией благодарности и примирения.

В автобусе мне стало невыносимо жарко. Пот ручьями стекал по моей спине, рубашка прилипла к телу. Не понимая, в чем дело, я протиснулся к окну и стал жадно хватать разогретый уличный воздух, пахнувший асфальтом и бензином.

Когда я вышел из автобуса на площади Ленина, то было ощущение, что я только что побывал в парном отделении бани, находившейся в доме рядом с тем, в котором жила бабушка.

Я помню, как папа привел меня туда в первый раз, когда мне было лет пять.

Я, выпучив глаза, старался не дышать и рвался к двери, чтобы скорее выйти наружу. Папа, придерживая меня одной рукой, в другую взял веник, слегка похлопал им меня со всех сторон, не обращая внимания на мой рев, и только потом вывел из парной. Зато наградой мне была газировка с вишневым сиропом, вкуснее которой, пожалуй, я никогда ничего не пил.

Я шел по площади Ленина, залитой солнцем, тело и ноги горели, голова гудела, а единственным желанием было скорее прийти к бабушке.

Из последних сил я поднялся по лестнице на второй этаж, толкнул никогда не закрывавшуюся дверь, прошел мимо оторопевшей бабушки (она долго не могла забыть, что я тогда с ней не поздоровался) и бухнулся на кровать в полуобморочном состоянии.

В школе я больше всего не любил химию. Будь иначе, возможно, я бы сообразил, что нейлоновую рубашку (даже если она очень модная) не нужно надевать в жаркий июльский день.

Бабушка голосила, дедушка прыгал около меня на одной ноге, забыв про костыли. Тетя Шура, соседка снизу, которая работала медсестрой в железнодорожной больнице,

прибежала на шум, расстегнула мне рубашку и положила на лоб полотенце, смоченное холодной водой. Сердце перестало стучать молотом в моей голове, и я открыл глаза.

Бабушка закончила кричать и стала тихо плакать, дедушка сел на стул, шумно выдохнул и усталился в потолок, а тетя Шура, успевшая сбегать вниз и вернуться с пузырьком, в котором был нашатырный спирт, открыла его и поднесла к моему носу.

Потом мы все, раздышавшись, пили холодный домашний квас.

Я сидел без рубашки, и мне уже было смешно, когда бабушка, переходя с русского на идиш, ругала на чем свет стоит свою американскую сестру.

Конфета и клубника

Он внимательно смотрел мне в глаза, не сомневаясь, что я ему помогу.

Я не мог отвести свой взгляд, поэтому рассматривал крапинки на радужной оболочке его карих глаз и думал, что у меня точно такие же крапинки, только глаза серо-голубые. Ко всему еще, он был, как и я, овен, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Ну, папа, — канючил мой четырехлетний оппонент, — конфетка, она такая вкусная...

Тут он опустил голову вниз, даже, как это принято говорить, повесил ее, тяжело вздохнул, поднял на меня глаза, полные слез и тоски, которые делали крапинки на радужной оболочке зрачков похожими на янтарные брызги, и сказал дрожащим голосом:

— Но клубнику я тоже очень хочу!

— Нет, сынок, — ответил я ему уже в пятый раз, сохраняя спокойствие и упиваясь абсолютной властью над маленьким человеком.

— Выбирай: конфета или клубника!

Две слезинки выкатились из его глаз, застыв на щеках, как капельки прозрачного клея. Он вытер их тыльной стороной ладони, снова опустил голову, тяжело вздохнул, потом посмотрел на меня каким-то взросло-усталым взглядом и спросил:

— Как же выбрать?

Что-то толкнуло меня в грудь изнутри, щеки мои вспыхнули, стены комнаты стали мягко растворяться, теплый летний ветерок заструился через открытое окно и унес меня, словно машина времени, в прошлое.

И вот уже я, смущенный второкурсник, смотрю в папины серо-голубые глаза и переминаюсь с ноги на ногу.

— А Катя на каком факультете учится? — спрашивает папа, затягиваясь «Беломором».

Он, в белой майке и трениках с вытянутыми коленками, удобно расположился на табуретке в нашей пятиметровой кухне и никуда не торопился.

— Пап, ну какая разница, — я был раздражен и активно жестикулировал, стоя в дверном проеме кухни, уже наряженный в джинсы «Вранглер», — я же тебя совсем про другое спрашиваю!

Папа выдохнул дым через нос, посмотрел на меня чистым, мудрым взглядом и продолжил:

— А все же?

— На «сантехе»!

— А живет где?

— Да какая разница! На Автозаводе!

— А папа с мамой где работают?

— Ты издеваешься?

— Сынок, я просто хочу знать, из какой семьи девушка.

— Папа, — простонал я, — услышь меня, пожалуйста! Мне Катя очень нравится, понимаешь?! Но я же со Светой уже три раза встречался, вот я и спрашиваю тебя, как мне быть? А ты — где живет да кто родители!

— А со Светой-то целовались уже? — продолжал папа по-прежнему спокойно и невозмутимо.

— Было, — выдохнул я, заливаясь краской смущения.

— Да... — протянул папа и качнул головой.

— Осуждаешь, да?! — выкрикнул я. — Я к тебе посоветоваться, как к другу! Что мне теперь, не ходить с Каткой в кино?!

Слезы досады выступили у меня на глазах.

— Да, а Света ведь с тобой в одной группе учится и живет недалеко, — не унимался папа, с прищуром глядя на меня.

— Что же делать, пап? — меня стало немного познабливать. — Мне Света тоже очень нравится. И не из-за того, что учимся вместе и живет рядом...

— Так, — сказал он, и вдруг я увидел в его глазах лукавую искорку, — а кто больше нравится — Света или Катя?

— Да не знаю, — прорычал я, — вот сейчас вроде Катя, а вчера вечером думал, что Света.

— Я ведь ночь не спал, — продолжал я горячо, — все думал, кого выбрать!

— А зачем? — синяя змея, плотно обвивающая синий меч, поднялась вверх, а потом опустилась вниз — это папа поднял руку и достал с верхней полки кухонного ящика новую пачку «Беломорканала». Змея на предплечье успокоилась, а пальцы начали привычную, отточенную до автоматизма работу. Они аккуратно надорвали краешек пачки, взяли ее, пару раз стукнули о другую руку, ловко вытянули папиросу, постучали теперь уже ей по пачке и, ловко смяв мундштук, помогли зубам его прикусить, нырнули вниз и поднялись уже с огоньком зажигалки.

— Как зачем? — растерянно спросил я. — Нельзя же встречаться и со Светой, и с Катей! Это непорядочно!

Именно так выговаривала это слово моя мама, скорчив при этом брезгливую гримасу. «Непорядочно!» Это в устах мамы было худшим из всех зол.

Собственно, с мамой я на такие темы никогда и не начал бы разговор.

Папа еще раз внимательно и лукаво посмотрел мне в глаза, его крапинки на радужной оболочке зрачков заиграли, заискрились, превратившись в брызги янтаря.

Он встал, подошел ко мне, положил руку на плечо, при этом чуть притянув к себе, и, выдыхая дым углом рта, чтобы он не попал мне в лицо, сказал:

— Сынок, трахай всех подряд!

Я летел навстречу с Катей, почти не касаясь земли. Мозаика моего калейдоскопа жизни складывала теперь только радужные картинки, все стало просто и ясно.

(Довольно скоро я понял: то, что имел в виду папа, не означало вседозволенность и распущенность. Он просто взял на себя грех за мои ошибки, понимая, что я сам должен сделать выбор, но только «попробовав» разные варианты. Собственно, за последние тридцать лет у меня было две женщины. На одной я был женат, а на второй не только женат, но и очень надеюсь прожить с ней до конца своих дней).

— Пап, ну пап! — голос сына вернул меня в настоящее. — Я решил! Наверное, буду конфету. — Он опустил голову и сказал, пристально рассматривая пол: — Но клубника, она такая вкусная...

Я обнял его, прижал к себе и сказал:

— Сынок, съешь и конфету, и клубнику!